

В. П. Авенариус

Книга былин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В11 **В. П. Авенариус**
Книга былин / В. П. Авенариус – М.: Книга по Требованию, 2021. – 418 с.

ISBN 978-5-458-13920-5

Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии (новое издание "Книги о киевских богатырях", дополненное былинами новгородскими, московскими, казацкими, петровскими и безымянными) с портретом певца былин Рябинина работы Л. А. Серякова. Составил В.П. Авенариус.

ISBN 978-5-458-13920-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Введеніе къ былинамъ	VI

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ.

I. Вольга Всеславьевичъ (съ картинкой)	3
II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра	13
III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична	25
IV. Алеша Поповичъ (съ карт.)	30
V. Первый бой Добрыни Никитича съ змѣемъ Горынчищемъ	40
VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ (съ карт.)	46
VII. Ставѣрь Годиновичъ и Василиса Микулична	54
VIII. Соловей Будимировичъ (съ карт.)	67
IX. Испыленіе Ильи Муромца	78
X. Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ (съ карт.)	85
XI. Микула Селяниновичъ (съ карт.)	102
XII. Святогоръ	112
XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична	116
XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ (съ карт.)	121
XV. Илья Муромецъ и Идолище	127
XVI. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ	135
XVII. Илья Муромецъ и Калинъ царь (съ карт.)	145
XVIII. Чурла Плёнковичъ (съ карт.)	164
XIX. Дюкъ Степановичъ	173
XX. Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ (съ карт.)	196
XXI. Михайло Потыкъ	209
XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ (съ карт.)	218
XXIII. Три повѣдочки Ильи Муромца (съ карт.)	230
XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руси	239

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

I. Молодость Василія Буслаева (съ карт.)	245
II. Смерть Василія Буслаева	259
III. Садко дѣлается богатымъ гостемъ	267
IV. Садко въ Поддонномъ царствѣ (съ карт.)	274

БЫЛИНЫ МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ и ПЕТРОВСКІЯ.

	<i>Стр.</i>
I. Взятіе Казани Грознымъ царемъ	285
II. Оговоръ царевича передъ Грознымъ (съ карт.)	287
III. Ермакъ, покоритель Сибири	293
IV. Царевичъ Димитрій и Борисъ Годуновъ	298
V. Гряшка Отрельевъ и Марина Мняшекъ	299
VI. Смерть Стеньки Разина	303
VII. Азовъ	305
VIII. Плачь войска по Петрѣ	307

БЫЛИНЫ БЕЗЫМЕННЫЯ.

I. О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ	311
II. Татарскій полонъ	315
III. О Горюшкѣ (съ карт.)	317
IV. „Ужь какъ палъ туманъ на синё море...“	319
Примѣчаніе къ былинамъ	III
Алфавитный указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и не- обычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ	XXXI
Отзывъ печати о „Книгѣ былинъ“	XLII

ВВЕДЕНИЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенецъ, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ нянюшкиныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенокъ, начинаетъ безъ-умолку лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связной рѣчи и музыкальныхъ звуковъ. Точно такъ же и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь къ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность—все свое фантастическое міросозерцаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественныхъ дѣятелей облечь въ замысловатый разсказъ, который, за отсутствіемъ или малою распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной поэзіи — безъ *рапсода* (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсенъ, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безыскусственнаго струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіе столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлкѣ: умѣлый рапсодъ твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ

довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно поглядывать по сторонамъ, — смѣтливый рассказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ сократить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣвающее скуку, при чемъ съ художническимъ чутьемъ наложитъ на всю картину, смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать то же впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неуловимый стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняются другимъ выраженіемъ и стихомъ; если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благоприятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворятъ, наконецъ, и самого повѣствователя и его слушателей. Тѣмъ не менѣе *ядро* народнаго сказанія, т.-е. его основное содержаніе и наиболѣе удачныя обороты, сохраняется вѣками: въ вариантахъ эпическихъ пѣсень, записанныхъ, напр., въ наше время въ Нижегородской губерніи, дословно повторяются цѣлыя фразы вариантовъ тѣхъ же пѣсень, записанныхъ 100 лѣтъ назадъ въ Сибири и 200 лѣтъ назадъ въ Москвѣ. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общою идеей, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало-по-малу, какъ бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной рассказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ народная эпопея есть опозитизированная *исторія* народа, рассказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—отдѣльныхъ рапсодій, носящихъ у насъ названіе *былинъ* (рассказъ о *быломъ*), а также *старинъ* (рассказъ о *старинѣ*) или просто «пѣсень» *). Но по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей былины могутъ быть раздѣлены на нѣсколько главныхъ группъ, или

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былевого творчества стоитъ народное прозвѣденіе XII вѣка—«Слово о Полку Игоревѣ», которое, рассказанное устами современника, хотя и отличается задушевною непосредственностью, образностью и нѣкоторымъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основнаго условія пѣсни—болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго размѣра.

«цикловъ»: 1) древнѣйшій циклъ—о полумифическихъ герояхъ до-владимѣрской эпохи, такъ называемыхъ *старшихъ* богатыряхъ, 2) *киевскій*, или *владиміровъ*, циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *мошквовско-петровскій* и 5) *казацкій*.

Былины о «старшихъ» богатыряхъ, относительно происхожденія которыхъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей еще расходятся (см. прим. 3 въ концѣ книги), стоятъ по содержанию своему близко къ слѣдующему затѣмъ бывшему кругу—о «младшихъ», владиміровыхъ богатыряхъ: одинъ изъ «старшихъ» богатырей, *Сулманъ*, даже прямо находится при князѣ Владиміръ; двое, *Святогоръ* и *Самсонъ*, попадаютъ (въ двухъ разныхъ былинахъ) киевскому богатырю Ильѣ Муромцу, который оказывается притомъ крестникомъ Самсона; двѣ дѣвочки четвертаго старшаго богатыря, *Микулы Селяниновича* (Василиса и Настасья Микуличны), состоятъ въ замужествѣ за двумя киевскими богатырями (Ставромъ Годиновичемъ и Добрынею Никитичемъ). Такимъ образомъ былины о «старшихъ» богатыряхъ если нѣсколько и предшествуютъ «владимірову» циклу, то находятся съ нимъ въ непосредственной связи какъ лицами, такъ и мѣстомъ дѣйствія (въ древней киевской Руси); поэтому онѣ могутъ быть разсматриваемы и какъ часть киевскаго эпоса.

Кругъ былинь, относящихся собственно къ *киевскому* эпосу, изъ всѣхъ былевыхъ цикловъ наиболѣе обширенъ и замѣчательнъ. Всѣ былины этого круга имѣютъ своимъ предметомъ «князя-солнышко», «ласковаго Владиміра стольно-киевскаго», т.-е. *Владиміра Святого* (980—1014 гг.), съ его богатырскою дружиной. Князь-солнышко—центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система—богатыри и богатырицы, сверкающіе однако не только заимствуемымъ отъ центральнаго солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху мірозданія и небесные спутники нашего дневнаго свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская «гридня», подобно римскому форуму,—свѣтовой фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи ея: подъ званъ «полуторапудовыхъ» чапъ, подъ звуки «яровчатыхъ» гуслей здѣсь сливки древне-киевскаго общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздъ, сватаются, интригуютъ, соряются, мирятся, замышляютъ богатырскіе вы-

ѣады противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой «заставѣ».

Что Владиміръ Святой съ его богатырскою дружиной сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса, объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя «краснымъ солнышкомъ» разсѣявшаго лежавшій дотолѣ надъ Русью мракъ язычества и кочевой неурядицы, было дѣйствительно самою свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долголѣтняго гнета азіатскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ «князя-солнышка» долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ—Дмитрія Донскаго, Ермака—безсознательно приурочивались новѣйшими рапсодами все къ тому же «солнечному» вѣку.

Былины *новгородскаго* круга воспѣваютъ героевъ Новгорода начала XII вѣка, т.-е. того именно цвѣтущаго періода его, когда онъ служилъ центромъ торговаго движенія сѣверной Руси. Герои эти уже не богатыри въ полномъ смыслѣ слова, ратоборствующие за отчизну, за вѣру, «за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей»; это, вѣрнѣе, *удальцы*, совершающіе подвиги не для блага другихъ, а просто ради удалства или для личной своей пользы. Но удалство ихъ все же развертывается такъ широко, описывается такъ своеобразно и ярко, что возсоздаетъ передъ нами живую картину древнаго Новгорода и возбуждаетъ въ насъ невольное сочувствіе къ самимъ удалцамъ. Удальцы эти двоякаго рода: вольница и купцы. Въ «славномъ Великомъ Новѣ-городѣ», кромѣ русскаго и иноземнаго купечества, совершенно естественно стекался также массаи всякій безпріютный людъ. Людъ этотъ, не имѣвшій иного достоянія, какъ развѣ свою кипучую молодость и беззавѣтную отвагу, помышлялъ лишь объ одномъ: гдѣ бы выказать свою удалъ и гдѣ бы пожить на чужой счетъ. Нуженъ былъ только ловкій человекъ, чтобы сплотить эту вольницу около себя въ непреоборимо-сильную дружину. И вотъ является такой ловкій человекъ—*Василій Буслевъ*, который, кромѣ удали и тѣлесной силы, обладаетъ еще и другими цѣнными качествами: денежными средствами, именитымъ родствомъ и недожиннымъ для того времени образованіемъ (умѣетъ читать, писать, пѣть по-церковному). Неудивительно, что ему съ его молодецкой дружиной удается сдѣлаться грозою цѣлаго Новгорода, а затѣмъ попасть и въ

народную пѣсню. Рядомъ съ героемъ вольницы однако выдвигается своего рода богатырь и изъ совершенно противоположнаго лагеря — изъ богатаго, степеннаго купечества. И Василій Буслаевъ воюеть уже не мечомъ или копьемъ, какъ доблестные богатыри кіевскіе, а простонапросто дубиною (червлѣнымъ вязомъ) или осью телѣжною; *Садко* же, богатырь купеческій, борется хоть и не дубьёмъ, да рублемъ, выкупая весь Новгородъ. И у него, какъ у тѣхъ, своя богатырская дружина, но дружина эта—община торговая, необходимая ему, какъ охранная стража при его кочевомъ, небезопасномъ и полномъ приключеній образѣ жизни *торговаго гостя*. Былинъ о Василіи Буслаевѣ и Садкѣ-купцѣ записано нѣсколько десятковъ; но всѣ онѣ могутъ быть сведены къ 4 - мь отдѣльнымъ пѣснямъ: по двѣ на cadaго удальца. Кромѣ Василія Буслаева и Садки-купца, въ новгородскихъ былинахъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ еще только *гость Терентьице*; но былина о послѣднемъ—шуточная и описываетъ случай изъ будничной жизни новгородскихъ купцовъ.

Въ числѣ былинъ изъ до-татарскаго періода, стоящихъ внѣ кіевскаго и новгородскаго круговъ, можно упомянуть здѣсь развѣ только про былинку о *Суровицѣ-Суздальцѣ* (родомъ изъ *Суздаля*, торгуетъ же по *Сурожскому*, или Азовскому, морю); но былина эта, описывающая борьбу Суровца-Суздальца съ татарскимъ царемъ Кумбаломъ или Курбаномъ Курбановичемъ, въ литературномъ отношеніи не имѣетъ интереса.

Татарщина, обрушившаяся на Русь въ началѣ XIII вѣка, такимъ тяжелымъ гнетомъ легла на грудь русскаго народа, что надолго, на цѣлые вѣка, заглушила въ ней вольную пѣсню. Только изъ удѣльнаго періода дошло до насъ нѣсколько слабыхъ попытокъ въ эпическомъ родѣ. Но эти такъ называемыя *княжескія* пѣсни, по своей малочисленности и разрозненности, едва ли могутъ почитаться даже особымъ цикломъ, а по содержанию и складу своему настолько безцвѣтны, что не останавливаютъ вниманія.

Только съ середины XVI вѣка народное творчество нашло себѣ опять въ лицѣ *Ивана Васильевича Грознаго* (1533—1584 гг.) героя, стоящаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по уму и силѣ характера головою выше всѣхъ окружающихъ. Здѣсь описываемыя событія по большей части идутъ уже рядомъ съ историческими фактами, и потому былины этого круга, *московско-*

петровскія, какъ и примыкающія къ нимъ *казацкія*, могутъ быть названы также *историческими* пѣснями. Но пѣсни эти и по духу и по формѣ своей уже значительно разнятся отъ пѣсенъ древней Руси—киевскихъ и новгородскихъ. Тамъ, при могучихъ фантастическихъ образахъ, разсказъ течетъ величаво-спокойно, разливаясь нерѣдко весьма широко и какъ бы даже щеголяя частыми повтореніями. Въ московскихъ былинахъ эта основная черта эпической поэзіи почти отсутствуетъ; здѣсь общій характеръ—краткость изложенія, быстрота и драматизмъ дѣйствія, а затѣмъ и задумчивая, элегическая нота, которая чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ звучитъ громче. Въ то же время все чаще попадаются *книжныя* выраженія, повторяющія языкъ московскихъ лѣтописей.

Послѣ Грознаго сила былевой пѣсни опять ослабѣваетъ. Наиболѣе выдающіяся личности, наиболѣе памятные моменты допетровской Руси, правда, находятъ еще отголосокъ въ пѣснѣ: помнятъся въ ней царевичъ *Димитрій Умичскій* и *Борисъ Годуновъ*, *Гришка Отрепѣвъ* и *Тушинскій воръ*, *Гришка Скопинъ*, *Василій Шуйскій* и *Проконъ Ляпуновъ*, *Козьма Мининъ* и *князь Пожарскій*. Но истинно поэтической элементъ проявляется уже только урывками.

Съ воцареніемъ *Петра I* народное вдохновеніе какъ бы на время окрыляется. Энергическій, строгій образъ великаго преобразователя, какъ и нѣкоторыя частности изъ его государственной и семейной жизни, живо воскрешаетъ въ памяти народной незабытаго еще вполнѣ въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ Грознаго. Для прославленія взятія Азова оказывается уже готовый матеріалъ въ былинѣ о взятіи Казани; расправа со стрѣльцами напоминаетъ знакомую старую пѣсню о томъ, какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ «выводилъ измѣну изъ Москвы»; заключенная въ монастырь царица повторяетъ жалобу другой царственной схимницы; преданное войско плачетъ по умершемъ царѣ и тамъ, и здѣсь. Кромѣ указанныхъ темъ, «петровскія» пѣсни слагались и по поводу шведскихъ походовъ и волненія донцовъ, при чемъ дѣйствующими лицами являются *Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ*, *князя Долгорукіе*, *Семень Палій* и *Иванъ Краснощеконъ*, донцы *Флоръ Миняевичъ*, *Сенька Маноцкій* и *Некрасовъ*, *шведскій король*, *Мазепа*, *Шмиппенбагъ* и *Левенгауптъ*. Не говоря однако-жъ уже и о томъ, что о наиболѣе прославившихъ царствованіе Петра внутреннихъ ре-

формах народное творчество вполне умалчивает (единственный намек на государственныя мѣропріятія Петра встрѣчается въ пѣснѣ о *Ладожскомъ каналѣ*), и въ излюбленныхъ этимъ творчествомъ темахъ полетъ его еще ниже, чѣмъ въ пѣсняхъ о Грозномъ. Тѣ изъ «петровскихъ» былинь, гдѣ преобладаетъ элементъ элегическій и лирическій, придающій имъ извѣстную образность и звучность, составляютъ уже переходъ къ народнымъ пѣснямъ семейнымъ и разгульнымъ; другія же, передающія въ болѣе или менѣе сухихъ, отрывочныхъ чертахъ голые факты, отзываются простыми реляціями.

Со смертью Петра умолкаетъ навсегда и настоящая былевая пѣсня. Солдатскія пѣсни, слагавшіяся еще послѣ того и въ царствованіе Екатерины II, и въ 1812 году, и въ наше время, имѣютъ съ былевою поэзіей одно только общее: что приурочиваются къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ; но лишены уже всякаго литературнаго значенія.

Параллельно съ былинами *московско-петровскаго* цикла возникли былины *казацкія*, воспѣвающія героевъ *казачества*: *Ермака*, *Стеньку Разина* и другихъ. Судьба этихъ героевъ и въ самыхъ былинахъ находится въ такой тѣсной зависимости отъ царей московскихъ, что былины о нихъ составляютъ только необходимое дополненіе къ общей картинѣ былевой Москвы. И здѣсь чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе плавно и спокойно течетъ стихотворный разсказъ, прерываемый личными изліяніями пѣвца. Богатыри-казаки, покорившіе царство Сибирское, мельчаютъ и обращаются въ разгульныхъ бродягъ, въ разбойничковъ-«затюремщичковъ»; стройная былина переходитъ въ простую удалую пѣсню.

Кромѣ перечисленныхъ разрядовъ былинь, можно различить еще одинъ: разрядъ былинь *безыменныхъ*, или *молодецкихъ*. Сложенныя въ свое время объ опредѣленномъ лицѣ, былины эти, благодаря своему преимущественно пѣвучему складу и лирическому характеру, не успѣли еще разложиться въ побывальщину или прозаическую сказку, но съ теченіемъ времени утратили уже имя воспѣваемаго лица, и потому не могутъ быть прямо отнесены къ тому или другому былевому кругу. Онѣ служатъ какъ бы послѣднею ступенью отъ настоящихъ былинь къ обыкновеннымъ народнымъ пѣснямъ.

Первымъ собирателемъ нашихъ народныхъ былинь былъ англичанинъ *Ричардъ Джемсъ*, въ рукопись котораго, начинаю-

ящуюся съ 1619 года со «ста двадцать седьмого года осмой тысячи», вошли однѣ былины московскія. Только въ началѣ слѣдующаго XVII вѣка *Кириешю Даниловымъ* (вѣроятно, казакъ сибирскій) были записаны и наиболѣе извѣстныя былины кievскія и новгородскія, которыя такимъ образомъ по *рукописному* своему возрасту на сто лѣтъ моложе московскихъ. Въ печати же рукопись Кириши, подъ названіемъ «Древнія Россійскія Стихотворенія», появилась впервые всего въ 1804 году. Кромѣ этого изданія, до второй четверти настоящаго столѣтія, былины, именно московскія, печатались, также съ рукописей, только въ пѣсенникахъ Чулкова, Трутовскаго, Новикова, Соликова и др.; съ этого времени начинается прилежное записываніе былинь *съ устъ народа* нѣсколькими ревностными собирателями народной старины, преимущественно тремя: *П. В. Киртеевскимъ* (10 томовъ «Пѣсень», изд. съ 1860—1874 г.), *П. Н. Рыбниковымъ* (4 тома «Пѣсень», изд. съ 1861—1867 г.) и *А. Θ. Гильфердингомъ* (1 томъ «Онежскихъ былинь» въ 1336 стран. мелкой печати, изд. въ 1873 г.).

Однако и до послѣдняго времени для большинства нашего читающаго общества эти чисто-народныя произведенія оставались недоступными какъ потому, что они разсѣяны по множеству дорого-стоящихъ книгъ въ нѣсколькихъ десяткахъ вариантовъ, такъ и потому, что едва ли хоть одинъ изъ записанныхъ вариантовъ, сколько бы онъ ни превосходилъ другіе варианты той же былины интересными подробностями или поэтическими красотами, можетъ произвести вполнѣ цѣльное впечатлѣніе, имѣя всегда нѣсколько испорченныхъ стиховъ, явныя недомолвки или несогласныя съ требованіями современнаго изящнаго вкуса и нравственности выраженія и частности.

Первыя «попытки соединенія разныхъ вариантовъ былинь въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ» принадлежать графу Л. Н. Толстому, составившему сводъ 4-хъ былинь о «старшихъ» богатыряхъ (Вольгѣ, Микулѣ, Сухманѣ и Святогорѣ). Опытъ въ томъ же родѣ сдѣланъ былъ В. П. Острогорскимъ въ его былевомъ разсказѣ «Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ».

Наша задача была—дать русскимъ читателямъ, и въ особенности русскому юношеству, возможность въ одной, не слишкомъ объемистой книгѣ, близко ознакомиться съ лучшими перлами русской народной эпической поэзіи. Съ этою цѣлью сли-